

литературное приложение
к газете

1/10

1 / 9

№ 1

В номере:

- * «Две жизни - две судьбы»
Очерк о С.Есенине и Н.Клюеве
- * «Последняя встреча»
- * Первая глава из книги Д.Лычева «Миссия»
- * «Солнечный день на взморье»
- * Новости из Ростова-на-Дону
- * Стихи

ДВЕ ЖИЗНИ, ДВЕ СУДЬБЫ

*Хвала ресницам и крестцам,
Улыбке, яростным родам,
Свирепой ласке ястребов,
Кровоточивой ласке слов,
Сосцам, любовника бедру,
И моему змее-перу —
Тысячезалое оно,
Неисчислимых жизней дно...*

Н.Клюев

Двум выдающимся русским поэтам и истории их любви и взаимоотношений посвящена эта литературная страница нашей газеты. Имя Николая Клюева, его жизнь и творчество мало что говорят современному читателю. Жизненный и творческий путь Сергея Есенина известны больше, а стихи любимы, наверно, всеми русскими. Мы постараемся восполнить этот пробел, по мере возможности, и надеемся, что наша скромная лепта в возрождении русской духовности даст положительный результат и заставит наших читателей, не чуждых поэтического дара или чутья, обратиться к первоисточникам, к творческому наследию поэтов земли русской и обогатит их души истинными, непреходящими ценностями.

— Клюев — большое событие в моей осенней жизни, — писал А.Блок. А поэт-символист Андрей Белый называл его "солценосцем, народным поэтом". Вот что пишет о творчестве Н.Клюева литературовед Б.Филиппов: "Не будет преувеличением сказать, что в русской литературе не было ничего, равного Клюеву по утонченности и совершенству стихотворного мастерства. Были поэты, превзошедшие Клюева силой и напряженностью своего лирического голоса: О.Мандельштам, В.Хлебников, А.Блок, М.Цветаева, но в области чисто словесной вклад Н.Клюева в русскую литературу столь же значителен, как и Ломоносова, Пушкина, Белого... Благодаря небывалой технической виртуоз-

ности, новизне словаря и предметного материала его стихов Клюев опередил всех своих "городских" поэтов-собратьев, за исключением Вячеслава Иванова. По метафорической насыщенности с ним никто не может сравниться, кроме В.Хлебникова... Метафорическое богатство Клюева ни с чем не сравнимо и неисчерпаемо..."

Не удивительно, что личность и творчество Клюева привлекали внимание и вызывали восхищение таких разных выдающихся личностей, как В.Брюсов, Д.Мережковский, Н.Гумилев, Ольга Форш, С.Городецкий и др.

Николай Клюев родился в Северной России, наверно, поэтому его мощный самобытный поэтический дар так захватывает читателя и поражает своей силой, безыскусственностью, подлинностью, первоизданностью. Первые стихи Клюев опубликовал в 1904 году. Знакомство же с С.Есениным состоялось в 1915 году, когда Клюев уже был известен русскому читателю.

*Я был прекрасен и крылат
В богоотеческом жилище,
И райских кринов аромат
Был мне уладою и пищей.*

*Блаженной родины лишен
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон
Молитвословящий в пустыне.*

Есенин первым обращается к уже известному поэту письмом. Клюев отвечает, и в его письме, как, впрочем, и в последующих письмах, читается неподдельный интерес, симпатия и любовь к Есенину: "...милый братик, почитаю за любовь узнать тебя и поговорить с тобою... Мне многое почувствовалось в твоих словах, продолжи их, мой милый, и прими меня в сердце свое". Вот несколько строчек из другого письма: "Голубь мой белый... Бога ради не задерживай ответ. Целую тебя, кормилец, прямо в усики милые".

В своих воспоминаниях С.Городецкий писал: "...История их отношений с того момента и до последнего посвящения Есениным Клюеву

Но эта тоска будет не о минувшей юности, а по любви твоей, которая мне будет как старый друг. Твой Сережа. 1916 г."

*Мои уста — горячая пустыня,
Гортань — русло, где камни и песок,
Сгораю я о Златоризном сыне,
Чьи кудри — запад, очи же — восток...*

*Я солнечно брагат, розовоух и нежен,
Моя лагонь — тимпан, сосцы, сладимей сот,
Будь в ласках, как жена, в лобзании безбрежен,
Раздвини ложесна, войди в меня, как плод!*

Н.Клюев

Есенин благоволил и преклоняется перед Клюевым как поэтом, его притягивала его воля, цельность природы, его огромный поэтический дар, который захватывал душу полностью. В основе этого уникального таланта лежала эзотерическая, выражаясь по-клюевски "поддонная Россия", скрытая от нескромных глаз. Религией этой тайной России было хлыстовство или христовство, с которым Клюев был хорошо знаком, так как воспитывался в этой среде. В христовстве, как пишет исследователь творчества Клюева Эммануил Райс, "судя по имеющимся явно отрывочным и недостоверным сведениям, сохранились остатки русского дохристианского или даже дионисийского начала античного язычества, а также элементы, не сводимые ни к одному из известных науке верований, возможно, и являющихся специфической религиозной сущностью русского духа. Возможно, что хлысты и есть еще не открытая миру тайна России". О, поспешите, братья, к нам, В наш чудный храм, где зори-свечи, Где предалтарный фимиамТуманы дремлющих поречий!

*Служить Заутреню любви,
Вкусить кровей, живого хлеба...
Кто жив, душа не очерствей
Для горных труб и зовов неба!*

Дружба Есенина и Клюева началась в годы первой мировой войны.

перед смертью — тема целой книги". Как знать, дорогой читатель, может быть, ты и есть автор этой будущей книги, книги о великой вечной Любви двух выдающихся поэтов России.

Эпиграфом к данной теме разговора я выбрал вышеприведенную строфу клюевского стихотворения. Она, как мне кажется, довольно точно отражает характер и накал их взаимоотношений. "Свиристая ласка ястребов". Не таковой ли бывает иногда мужская любовь? Любовь-дружба, любовь-противоборство и в то же самое время любовь-всепонимание, всепрощение и самопожертвование.

После знакомства поэты почти неразлучны. Они вместе принимают участие в театрализованных выступлениях, организованных С.Городецким. Вместе читают свои стихи в литературных салонах и редакциях журналов, выступают в лазаретах Марфо-Марьянской обители в Москве. Клюев называет Есенина Сереженькой, жавороночком. Вместе они посещают знаменитые собрания литераторов у Вячеслава Иванова и Мережковских, они приняты царицей в Царском селе и в кругу будущих левых эсеров. Из крупных писателей совершенно не принял Клюева, естественно, только великий пролетарский писатель М.Горький. Знакомые и приятели Есенина, которых со временем становится все больше, также с большим предубеждением и неприязнью относятся к Клюеву. Так, в воспоминаниях приятеля Есенина Чернявского мы можем прочесть следующее: "Он (Клюев) совсем подчинил нашего Сергуньку: поясок ему завязывает, волосы гладит, следит глазами... По возвращении из первой поездки в Москву Сергей (мне) рассказывал, как Клюев ревновал его к женщине, с которой у него был первый городской роман: "Как только я за шапку, он — на пол, посреди номера, сидит и воет во весь голос по бабьи: не ходи, не смей к ней ходить!"

Из писем Есенина и воспоминаний друзей-современников, а также по другим косвенным указаниям, мы узнаем, что Есенин сопротивлялся приступам клюевской страсти, но все же в конце концов поддавался клюевскому чувству, отшатывался от него, даже готов был убить, но потом вновь тянулся к нему.

На обратной стороне фотографии в марте 1916 года Есенин написал: "Дорогой мой Коля! На долгие годы унесу любовь твою. Я знаю, что этот лик заставит меня плакать (как плачут на цветы) через много лет.

Когда Есенина призвали в армию, Клюев страшно тосковал, Есенин тоже тянулся к нему, что видно из их личной переписки. В 1916 году выходит новая книга стихов Н.Клюева "Мирские думы", которая и читателями, и критикой принимается безоговорочно, и Клюев становится общепризнанным авторитетом. Примерно к этому времени относятся и их первые разногласия. Но пока они вместе ведут свои дела, продолжают выступать везде с чтением стихов. Постепенно зреет и талант Есенина, он начинает пользоваться популярностью у среднего читателя, которому ближе "душка Есенин", такой уютный, простой и обворожительный. Его трудно не любить, как трудно полюбить по-настоящему Клюева — замкнутого, неприступного, опасного.

Проходит время, круг есенинских фанатов растет, но серьезная критика на первое место ставит Клюева. В 1917 году Есенин пытается порвать с Клюевым, выйти из-под его влияния и покровительства, пойти своей дорогой. К сожалению, многое говорит о том, что в основе этого решения лежала еще и обыкновенная зависть к чужому таланту. В разговорах со знакомыми Есенин переосмысливает творчество Клюева и то, что вызывало у него раньше восхищение, подвергается осмеянию. Все это со смакованием подхватывается его окружением и передается в письмах, воспоминаниях, разговорах. Есенин пишет сатирическое стихотворение на Клюева:

*От Витегры до Шуи
Избороздил весь край,
И выбрал кличку Клюев
Смирный Николай.*

*Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит Пасха
С бескудрой головы.*

*А там, за взгорьем смолым
Игу, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.*

Поэтическим ответом Есенину является, правда, написанное чуть раньше следующее стихотворение Клюева:

*Белый цвет Сережа,
С китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ.
Как к причастью звоны,
Мамины иконы,
Я его любил.*

*И в дали предвечной
Светлый, трехвенечный,
Мной провиден он,
Пусть я не красивый,
Хворый и плешивый,
Но душа, как сон...*

Октябрьский переворот был не только рубежом в жизни России и ее народов, но и в личной жизни двух поэтов. Дальше они пойдут каждый своей страстной дорогой, оба примут мученическую смерть, и оба обретут бессмертие. Но всегда между ними, где бы они ни были и кого бы не любили, будет нерасторжимая духовная связь, освещенная божественным провидением.

(продолжение во втором приложении)

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Долго не решался Толик нажать на звонок. Он был сегодня трезв и сосредоточен. Решился наконец... позвонил.

Сразу страх подступил к горлу, душа ушла в пятки... как полуобморочное состояние. Толик чувствовал, что не сможет сказать ни слова... как только увидит...

Но вот дверь открылась. И... перед ним стоял совершенно незнакомый мужчина. Толик с трудом извлек из себя членораздельные звуки:

— Саша... можно его... позвать...

— Здесь нет никакого Саши. — И, помолчав, видя, что Толик не уходит, добавил, — Может ты того, что наверху живет, Леденева? Тогда поднимись этажом выше, в боковой квартире справа...

— Нет, — тихо выдавил из себя Толик, — он жил здесь...

— Я и забыл, что его звали Сашей. Давно ты не навещал своего дружка. Мы поменялись квартирами.

— Адрес... скажите?

Мужчина неторопливо назвал адрес.

— Спасибо большое..., — Толик, потупившись, повернулся и ушел.

Толик брел по улице подвыпивший.

Внезапно из подъезда одного дома вышла веселая компания и двинулась ему навстречу.

Толик посторонился и, взглянув..., узнал сразу. Он узнал бы его когда угодно и где угодно... Это стройное сильное тело, ставшее еще более мужественным и красивым..., лицо, глаза, волосы, губы...

И, забывшись, Толик позвал тихо:

— Саша...

Тот не услышал его. Но другой парень заметил.

— Тебя этот субчик... смотри какой... фу-у...

Сашка взглянул мельком, немного свысока. Вроде как не узнал.

Они ушли. До него долетел смех, они гоготали между собой...

Какая-то девушка шла с ним под руку...

Толик даже протрезвел. Он стоял, глядя вослед, никто на него не обернулся.

Наконец-то он решился пойти по новому адресу.

Дверь открыла девушка.

— Сашу можно?

Та с удивлением, брезгливо окинув его взглядом, все же пошла звать. И вот появился крепкий красивый блондин. Девушка выглядывала сзади.

Сначала он несколько удивленно посмотрел. Толик молча глядел на него во все глаза. Впервые за столько лет он снова видел его перед собой, так близко и ясно. Тот нахмурился.

— Чего тебе? И бросил через плечо, сузив глаза:

— Уйди, Аня.

Толик стоял, как впервые, очарованный властью его голоса и движений. Сашка вышел в коридор, прикрывая дверь и, схватив его за ворот, стащил вниз, на нижнюю площадку.

— Чего тебе? — повторил зло, жестко, в упор глядя в глаза. — Говори быстро.

Толик тихонько пожал плечами. Он многое хотел сказать, не торопясь. Он хотел сказать... Но не мог, глядя в эти жесткие и властные, очень злые глаза. Еще более жесткие и властные, чем были когда-то... Ненавидящие его глаза...

— Откуда ты только взялся, — осмотрев его с ног до головы, все еще с некоторым изумлением проговорил Сашка. — Я думал, ты сдох давно. При твоих-то успехах... И что же тебя ко мне привело? Кто тебе дал мой адрес?

— На старой квартире..., — тихо проговорил Толик, и тут его как прорвало.

— Саша, у меня ничего нет... никого нет... Я просто... пришел сказать... что я тебя люблю... Я всегда тебя любил... Я люблю тебя...

— Что ты от меня хочешь? — резко перебил Сашка, как-то подозрительно глянув.

— Ничего... ничего... Саша... Посмотреть захотелось очень, как ты живешь... Саша... Я тебя видел на улице тогда... окликнул... ты был с друзьями... Ты меня не узнал.

Сашка хмыкнул.

— Не помню... Я уж давно о тебе и думать забыл. Да и не думал я никогда о тебе... Смешно, ей-богу. Просто тогда мы были в том

озрасте, когда уже чего-то хочется... Да чего с тобой об этом говорить! Ты же ведь свихнутый совсем.

— Саша!.. Я тебя люблю! Понимаешь, всю жизнь люблю!..

Сашка как-то нетерпеливо усмехнулся и заключил:

— Изменился ты здорово. Но как был дурак, так и остался. Любовь!.. Ну какая к черту любовь может быть?! Да пошел ты...

— Уйду, погоди... Сколько тебя не видел!.. Если б ты только захотел!.. Я буду все делать... что захочешь... Скажи только...

Толик глянул ласково, преданно и попытался осторожно погладить его по руке.

Сашка оттолкнул резко, отстранился тут же. И, став выше на ступеньку, процедил, с трудом сдерживая бешенство:

— Катись отсюда к чертовой матери... И чтоб больше тебя не видел.

И стремительно поднялся вверх, больше не удостоив его взглядом.

Наверху хлопнула дверь.

Толик стоял, молча глядя перед собой. Надо было уйти... Но он не мог. И страха уже не было... Он медленно поднялся на этаж и снова позвонил в квартиру. Сашка открыл озлобленный и... тут же удар по лицу.

И ни слова.

Толик полетел вниз по ступенькам... И дверь закрылась снова. Он с грудом поднялся... Кровь потекла из губ, из носа. Сел на последнюю ступеньку.

Толик, казалось, перестал думать о чем-либо вообще. Сидел. Не утираясь... Ничего не имело смысла.

На лестнице было тихо.

Он закрыл глаза. Было так тихо и темно...

И вдруг увидел комнату.

Услышал:

— Не бойся ничего... Со мной не бойся ничего.

В комнате много засушенных цветов... Стоят в кувшинах, в вазах, валяются по углам. И ОНИ перед зеркалом. Он увидел себя. В черном трико... А Сашка кладет ему руку на плечо, осторожно, медленно поворачивая к себе лицом. Смотрит в глаза...

Он не мог не уступить ему...

А тот, едва достигнув желаемого, тут же почти сразу... Презрение, отвращение, ненависть. А потом и вовсе перестал его замечать.

И теперь все осталось, как было... Ничего не изменилось. Да и что могло измениться?..

Толик ждал чуда... Но чудес не бывает.

На стене в комнате у Сашки висел портрет молодого человека... изящного, черноволосого... грустные, затаенно-выжидательные глаза... Странные и глубокие...

Он сидит в тени, полумраке. Есть в нем что-то загадочное и грустное... Сашка считает эту картину лучшей работой.

Вернувшись в комнату, Сашка посмотрел на нее...

Загадочный незнакомец... и эта тварь с помойки.

Злоба с новой силой накатила на Сашку.

— Кто к тебе приходил? — подойдя, тихо спросила Аня. — Я его никогда у тебя не видела... Какой-то неприятный... опустившийся.

— Кто приходил, хочешь знать? Вот кто приходил! — Сашка ткнул пальцем в портрет. — Узнаешь?

— Ничего подобного. Ни малейшего сходства. Это ведь твоя лучшая работа...

Сашка промолчал, но какое-то тихое бешенство разбирало его...

— Лучшая... А почему она лучшая, ты задумывалась когда-нибудь?

— ...

— Нет? Потому что этого парня я... как это покультурнее выразиться — совратил. Поняла? Ты поняла теперь, зачем он приходил?

— ...

— Знаешь, он много лет все не решался прийти, и вот, наконец, решился. И знаешь, что он мне сказал?.. Что он меня любит! А знаешь ты, что я с ним сделал? Что он позволял с собой делать! Потому что хотел..., чтобы я его не бросил. Я поступил жестоко. Но... не мог больше его видеть. Я его возненавидел, как ни одного человека, наверно, не смог бы так возненавидеть. Меня воротило от него. Он потрясал своей покорностью... и нелепостью! Я... до сих пор не верю... что до всего этого... он мог дойти... мой... друг! Я его считал тогда другом... до этого. Да, я этого хотел тогда. Просто нашло ненадолго. Так же и прошло бы... И если б у него была хоть капля стыда, гордости, достоинства... самолюбия... Но нет! У меня волосы на голове поднимаются, когда я его вспоминаю... Не я его совратил, не я... Ей-богу! Это он меня вывернул наизнанку! И тогда я... ничего не объясняя, он все равно бы ничего не понял, резко порвал с ним всякие отношения. Я не говорил с ним, не смотрел на него, я его сторонился, как чумы. И

если он пытался выяснить что-то у меня, допытываться... я приходил в ярость...

— ...

— Вот так. А здесь... на этой картине... он, но это другой человек... Теперь он полнейшее ничтожество... Я бы очень хотел выбросить все из головы... но невозможно. Иногда приходится очень жестоко расплачиваться...

— Убери, ради бога, эту картину. Теперь я на нее не могу смотреть... Убери... Куда-нибудь подальше. лучше вообще выкинь... Или подари кому-нибудь, — теперь уже резковато и глухо сказала она.

— Если б эта мысль пришла мне в голову, когда он был здесь — я бы ему ее и отдал... Он бы очень обрадовался.

Неожиданно задребезжал звонок.

Это, оказалось, мать Анны.

С порога взволнованно начала:

— Вы знаете... здесь во дворе... такой ужас... какой-то мужчина выбросился из окна. Люди собрались, "скорую" вызвали... Лежит, стонет... Еще живой... И кровища... Как страшно-то, господи... Какое несчастье...

Она чуть не плакала.

— И как только можно до такого дойти... Среди бела дня... Люди кругом, дети...

Сашка тихо отстранил женщину.

Он вдруг побледнел, похолодел. И медленно, осторожно ступая, пошел вниз по лестнице..

Несколько лет словно стерлось в памяти.

Он вышел из подъезда как сомнамбула, замедленным осторожным шагом. Он шел к нему, подходил все ближе... и губы его шептали ласково, тихо:... "Потерпи немножко... Сейчас... Потерпи... пожалуйста..."

1988 г.

Мы начинаем публиковать фрагменты готовящейся к выходу книги Димы Лычева «Миссия», рассказывающей о жизни в нашей родной, тогда еще Советской, армии. Просьба присылать свои отклики на эту публикацию на адрес редакции газеты «1/10».

НАЧАЛО

Вот уже где-то месяц не показывалось солнце, зарядили дожди, и стало понятно, что наступила осень. Как всегда, вслед за дождями ударили первые заморозки, потом пошел снег, сначала с дождем, а потом и без него. Как всегда, становилось холодно, ночи стали длиннее, а дни короче. Все было, как всегда. Почти. Почему-то именно эта осень казалась мне особенно холодной и противной. Я должен был идти в армию. По какой-то нелепой случайности я должен был на два года покинуть дом, родных, милых мне друзей. Я не мог понять, зачем. Зачем я должен уходить холодным утром в никуда, чтобы из ниоткуда появиться через целых два года? Хотелось крикнуть всем: посмотрите, какая творится несправедливость! Меня, такого беззащитного, хотят взять, чтобы я сам защищал кого-то! Не хочу! Пытался я убедить военных врачей, что мне это будет не по силам. И чего только у меня не заболело! Вплоть до этого самого...

"Ничего, — говорили врачи, — и это самое там тоже вылечат. Там все лечат". Ага, хотелось бы посмотреть на того "доктора", который будет это самое лечить.

Но, становилось все холоднее, и я понимал, что придется забирать это самое и идти выполнять долг, хотя у меня и в мыслях не было, что я задолжал кому-либо. Наступил этот день. Как я и предполагал, он был самый холодный и мерзкий. Шел мокрый и холодный снег, дул сильный ветер, а маленький, никому не нужный ребенок шел, вопреки ненастью, в сторону военкомата. Мама дала мне в дорогу водки, надеясь хоть как-то сгладить мои первые впечатления. Ее-то я и выпил по дороге, будучи еще совсем гражданским человеком, хотя впечатлений пока и не было. Было просто холодно и противно...

ГЛАВА 1

Пришел я в военкомат, меня там только и ждали. Стараясь не дышать на самого главного военного, я пытался как-то оправдаться, хотя и не помню, как. Бог в лице этого дядьки меня простил, и я плюхнулся в свободный стул и стал мирно ожидать своей участи. Через часов пять или шесть, я точно не помню, объявили, что карета подана. Роль кареты исполнял новенький "Икарус", а роль кучера-шофера человек, очень похожий на крысу. "Ой, как в "Золушке", — пронеслось у меня в голове, — остается только принца ждать". Даже в это время я нетерпеливо осматривался, пытаюсь определить того, с кем бы я не отказался переспать. Только плохим настроением я могу объяснить тот факт, что потенциальных партнеров набралось лишь около десяти, уж больно все были хорошенькие. Наверно, они думали о чем-то другом, слишком лица у всех были серьезные. Я настолько увлекся рассматриванием своего соседа слева, что не заметил, как мы тронулись в путь. Въехали на Садовое кольцо. Всем было интересно, на какой же вокзал нас повезут. Одно дело — на Курский, а другое — какой-нибудь Казанский или Ярославский. Оттуда дорога на Север и на Восток, а там холодно. Я персвел дух, когда автобус подкатил к Белорусскому. В ушах навязчиво зазвучало: "Родина моя — Белоруссия, песни партизан..." Фу, какая гадость, только партизан здесь и не хватало.

Тщетными были наши попытки узнать, куда же нас все-таки везут. Прошел слух, что в Чехословакию. Ну уж только не туда. Туда только пароходы летают. До пароходов дело не дошло, посадили нас в поезд. Я что-то замешкался, и мне пришлось занимать верхнюю полку. Вагон был весь какой-то обшарпанный, под стать моему настроению. Оно, кстати, стало очень быстро улучшаться, когда включили свет. Под своей верхней полкой я нашел нижнюю, а на ней хорошего мужчичку, который и стал предметом моего вожделения. Только крепкий торс и запах пота выдавали в нем что-то от мужчины. Рожица была такая хорошенькая, что я сразу забыл, куда еду. Я даже остальных попутчиков не запомнил. Впрочем, они о себе и не напоминали, ибо, напившись водки, улеглись спать. Я заговорил первым. Предлог для начала разговора был очень хороший, я попросил этого Аполлона поменяться местами. Сделал я это настолько удачно, со всем присущим мне обаянием, что у него и не возникло мысли мне отказать. Как меня учили в детстве, я сказал: "Спасибо", а после этого заговорил, зернее, защебетал, о чем-то. Познакомились. Аполлон оказался очень искренним собеседником, рассказал мне о всех своих последних

похождениях с девочками. "Дурашка, — думал я в тот момент, — где ты раньше был?" Я не стал особенно раскрывать карты, но пару мелких козырей выбросил. Видимо, он в тот момент не располагал хорошими картами и поэтому пожелал мне спокойной ночи. Ох, как мне хотелось, чтобы эта ночь была беспокойной! Так хотелось, что я никак не мог уснуть. Ворочался, вспоминал трогательное прощание с последним и предпоследним любовниками, и от этого все больше не хотелось спать. Какой-то шорох раздавался и наверху. Видимо, мое состояние передалось и Аполлону. Я не удивился, когда он, свесив голову, предложил пойти покурить в тамбур. Едва успев прикурить, я почувствовал, что начинаю дрожать. То ли от желания прильнуть к могучему и красивому телу, то ли от холода. Скорее всего, и от того, и от другого. Сигарета быстро истлела, Аполлон продолжал дымить. Почувствовав, что у меня появилось еще и желание дописать, я покинул своего красавца.

Стоя в зловонной комнате и наслаждаясь журчанием золотого дождя, я услышал, а потом и увидел, что дверь открывается. Наверно, в надежде на чудо я ее не закрыл на замок. И правильно сделал. Не дав мне закончить то, зачем я туда пришел, Аполлон одним движением руки перевернул меня и усадил туда, где было мокро и не очень чисто. "Унитаз", — подумал я и с легким испугом посмотрел в глаза Аполлона. Его взгляд не предвещал ничего дурного, а его руки расстегивали "молнию" на джинсах. Я открыл рот, и не потому, что так обычно поступают. Габариты его инструмента просто заставили губы разомкнуться. Прошло несколько минут. Аполлон, видимо, почувствовав, что созрел, опять одной рукой поставил меня на пол и пристроился сзади. "Неплохо все-таки у меня начинается служба", — подумал я, но в это время очередной толчок отбил у меня всякую охоту думать. Очнулся я опять на том месте, где было мокро и не очень чисто. Руки Аполлона стали нежными и ласковыми, именно они помогли мне встать и добраться до "постели". Аполлон еще раз пожелал спокойной ночи. Я этим пожеланием воспользовался, и проводив его взглядом, забылся в сладком сне.

Проснулся я от того, что почувствовал на своих плечах все те же, но уже грубые руки. "Вставай, подъезжаем". Эти слова были произнесены с такой теплотой, что я сразу проснулся, сообразив, что наяву лучше, чем во сне.

Через полчаса мы были в здании вокзала, на фасаде которого я различил слово "Борисов". Вспомнив курс географии, я понял, что это Минская область, а значит, Белоруссия и все-таки не Чехословакия. Мерзкий мужлан сержант, сопровождавший нашу команду, кое-как нас построил и повел куда-то в темноту...

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ НА ВЗМОРЬЕ

На студенческие каникулы Вагиф обычно приезжал в июне. После столичной суеты, консерваторских занятий он блаженствовал дома, в тихом приморском городке.

В тот год он заканчивал третий курс консерватории. Я осенью уходил в армию. Каждый из нас понимал: расстанемся мы надолго, а поэтому еще зимой договорились: июнь проводим вместе, на море.

Наша дружба с Вагифом, поначалу чисто мальчишеская, со временем превратилась в нечто большее. У меня никогда не было друзей. Я сторонился мальчишеских компаний, не любил потасовок, обходил стороной уличные сборища, где непримиримо и яростно выяснялись отношения. Одним словом, застенчивый и замкнутый, я был постоянным объектом насмешек и издевательств. Сносить все это мне было тяжело, но не хватало ни характера, ни сил защитить себя.

И так случилось, что единственным другом на многие годы для меня стал Вагиф. Все началось с того, что однажды на пути из школы ко мне пристали мальчишки с соседней улицы. Назревала драка с печальным для меня исходом. В этот момент и появился высокий смуглый парень. Он разогнал моих обидчиков, собрал разбросанные по траве учебники и повел к себе домой. Мы наелись до отвала в его саду абрикос, позже напились чаю с тортом и до позднего вечера смотрели видео. Уютно и хорошо мне было в тот день...

С тех пор каждое утро я выходил из дома на полчаса раньше, чтобы встретить Вагифа. В школу мы шли вместе. Он был на два года старше, и это мне казалось вечностью. Но Вагиф принял наши отношения как отношения равных. И за это я несказанно его благодарил. У меня появился друг. Я тянулся за ним, как мог. Он занимался гимнастикой — и я. Он футболом — и я с ним. А еще в его доме меня привлекали громадная библиотека и пианино. Впервые я узнал, что, кроме

«Кортика» и «Трех мушкетеров» есть и другая литература, другие книжки, которыми можно зачитываться до утра. Там я слушал пианино, за которое садился Вагиф, мой спаситель и кумир. Он меня спас от одиночества и унижений.

Как и положено, в таком возрасте говорили про «то». От Вагифа я впервые услышал о Фрейде, которого он уже успел начитать. Разговоры эти вызывали острые ощущения, будили сладкие и грешные желания...

Итак, в то лето мы отыскивали на побережье тихое и укромное местечко. Отвесная скала, крутой берег и полоска чудесного мелкого песка. И самое главное — ни души. К нам словно вернулось детство, мы были свободны, молоды и сильны. Радостное и странное состояние.

Растянувшись на песке, я ожидал, когда Вагиф выберется из воды. Я, пожалуй, задремал. И когда холодные, влажные от морской воды руки легли на мою грудь, от неожиданности я вздрогнул, пытаюсь во сне освободиться от этой тяжести. Но она давила и давила на меня. Как и эти черные глаза, подернувшиеся поволокой вожделения. И эти нежные, тонкие музыкальные пальцы, вдруг обретшие силу и жажду. И это тело, красивое и могучее, нависшее надо мной.

— Вагиф! — задохнулся я, еще не понимая, что, помимо моего сознания и моей воли, происходит нечто неожиданное, рушится прошлое. И мне стало страшно за себя, за Вагифа, за нас обоих.

Я невольно пытаюсь сжаться, когда мужские руки начинают ходить бесконечными волнами по моему телу. Легкие, нежные прикосновения сменяются властным и требовательным нетерпением. Они дурманят, отзываются ознобом во всех моих членах, лишают воли.

Мои широко раскрытые глаза бессознательно смотрят в высокое голубое небо. Там — ни облачка. И здесь, на земле, пустота, звенящая и зловещая. Как из нее вырваться? Кого позвать на помощь? Куда бежать? Но я боюсь шевельнуться, потому что уже не руки — влажные сочные губы ласкают мое тело. Они настойчиво опускаются все ниже и ниже. Я ощущаю их тревожное дыхание там, где уже бродит горячая кровь и свинцовой тяжестью медленно наливается моя плоть. Инстинктивно, послушно раздвигаю ноги, не в силах больше сопротивляться этому нашествию. И в этот момент Вагиф одним взмахом, с необъяснимой жестокостью срывает с меня плавки. Вы-

завалившись на свободу, мой член вздымается во весь рост, легко и бесстыдно.

И вновь эти руки. Что же они делают со мной?! Они будто играют, нажимая на невидимые клавиши. Я весь в их власти. Тонкие пальцы Загифа нежно ласкают оболочку моего члена. Горячие, пульсирующие гоки крови рождаются там, гулками ударами отдаются в моих висках. Моя плоть наливается какой-то неземной, неестественной силой. Вот-вот произойдет что-то непоправимое и страшное.

А, может быть, не такое уж непоправимое и трагическое? Страх, поселившийся во мне, не проходит, но вместе с ним появляется и что-то иное, мне ранее не известное. Сладостная истома потихоньку проникает во все мои поры. Унимается дрожь. Прохладный песок приятно щекочет разгоряченное тело. Мои руки крепко обнимают черную, смоленную голову Вагифа, теребят волосы, гладят его плечи. И тогда я чувствую жаркое и нежное прикосновение, от которого захватывает дух и останавливается сердце. Горячие, жаждущие губы касаются моего члена, этого трепещущего факела, и принимают его в свои объятия. Обволакивают они его осторожно, не торопясь, будто боясь повредить что-то хрупкое и нежное. Подчиняясь желанию и инстинкту, они начинают томительные и тревожные движения, поднимая откуда-то из далеких глубин дремлющие во мне соки.

Все во мне напряжено, словно натянутая струна. Все дышит огнем — лицо, тело и мой член, это торжествующее и радостное воздание. Мой торс отрывается от земли, поднимается все выше и выше, подталкивая плоть к чему-то недостижимому и обольстительному.

...Земля вздрогнула подо мной, и огненная лава, неизвестно где гаившаяся, вылеснулась вдруг с такой силой, что я больше не вижу ни голубого неба, ни яркого солнца, не слышу гулких ударов прибоя. Горячая волна прокатывается раз за разом по моему телу, и я забываюсь в мучительном изнеможении.

...Медленно открываю глаза. Все тот же песок, сухой и горячий. Все то же небо, все то же ослепительное солнце. И вечный рокот морского прибоя. Мир рухнул. Но что же со мной? Не стало моей прежней жизни? Что же такое ворвалось в нее? Не могу понять. Как соединить мысли о трагедии, порочности и терпкую сладость, разлившуюся во мне?

Рядом Вагиф. В оцепенении я смотрю на его широко раскинутые загорелые ноги, на черные, слегка вьющиеся волосы между ними и плоть, мощную и вздыбленную, красивую и гордую. Я не могу отвести глаза. Я не могу совладать с собой. Какие силы, какие тайны заключены в ней? Почему она так завораживает и притягивает меня?

Холодеющими пальцами обнимаю дышащую нетерпением стать. Рука невольно резко опускается вниз. Будто сорвав чадру с лица неписанной красавицы, я замороженно смотрю на смуглую, слегка розоватую головку взрагивающего члена, на упругие бороздки, окаймляющие ее снизу, на маленькую темнеющую воронку на самом ее конце. Сквозь кожу я ощущаю, как там кипит кровь. А может не кровь — горячий металл? И моя рука вновь, уже жестоко и мстительно, поднимается вверх, затем — вниз. И я опять вижу обнаженную, незащищенную плоть. Я хочу овладеть этой силой, мощью и страстью. И тогда я прижимаюсь к распластанному на песке телу. Прижимаюсь к нему, возбужденному и горячему, ставшему мне таким близким и желанным.

Мне хорошо. Я чувствую широкую, прильнувшую к моей спине грудь, учащенное биение сердца, ищущую, беспокойную плоть. Она жжет меня, как раскаленный клинок. Она безрассудна. Она нежна.

Руки Вагифа вновь ласкают мое тело, безвольное и податливое. Они без труда, легко отрывают мой торс от земли. Теперь перед моими глазами только полоска золотого песка да горький кустик полыни. Я чувствую, как надо мной нависает нетерпеливое и жаждущее тело, пахнущее соленой водой, солнцем и ветром. Боюсь признаться себе, но я жду его. Впервые во мне эта жажда, и только ею я сейчас живу.

Вагиф обнимает меня за плечи, оттолкнувшись, еще немного приподнимается, чтобы затем опуститься с той ненасытной страстью, которая приходит только вместе с любовью.

Стон вырывается из моей груди. Я задыхаюсь от страха, радости и боли. Я не в силах сдержать страсть, обрушившуюся на меня. Это стихия. Испепеляющий ее огонь разносится по всему моему телу. Не пойму — горячий пот или слезы застилают мне глаза? Я не слышу своего стона, надрывного, радостного и благодарного.

Неужели все это когда-нибудь может кончиться? Для меня перестал существовать окружающий мир. Я ему не принадлежу, как и не принадлежу себе, поработанный зовом жизни.

Горячие руки Вагифа вновь и вновь обвивают мое тело. Ласково, трепетно. А затем стальным обручем обнимают мои бедра, чтобы с новой силой начать эти терпкие и сладостные движения. Я ощущаю каждую клеточку мощного и сильного фалоса, его радость и восторг. С каждым мгновением она радостнее и нетерпеливее. Стремится вперед, словно пытаюсь поднять меня в это голубое и безоблачное небо. Его горячее дыхание, его трепетную дрожь я чувствую у самого сердца.

Сколько продолжается это кипение жизни? Не знаю. Я готов страдать, готов вытерпеть любые муки, готов отказаться от всех радостей, лишь бы осталась одна — эта.

Что будет потом?

Меня покидают последние силы. Сквозь туман я чувствую, как конвульсии содрогают тело Вагифа, и в то же мгновение стремительный обжигающий поток врывается в мое существо.

Я принимаю этот дар. И никто, кроме меня, не знает, как светел и прозрачен этот день, как прекрасен этот кустик горькой полыни, и какое сегодня яркое солнце на голубом небе.

...До чего простая вещь — счастье. Одной единственной минуты, случайной встречи на улице порой достаточно, чтобы его приобрести или потерять навсегда.

Мы решились на перепечатку статьи Владимира Панычева, опубликованной в газете «Юг» №30 (декабрь '91), так как считаем, что она может вызвать немалый интерес у тебя, дорогой читатель.

НЕ СУДИТЕ ГОЛУБЫХ

“СПИД не спит” — крылатая фраза появилась в народе лет этак шесть-восемь назад. В группу риска включена категория лиц, известных нетипичным выбором сексуального партнера — гомосексуалисты и лесбиянки. Оправдано ли это наступление на сексуальные меньшинства? Не одна ли из сторон деятельности ратующих за чистоту расы представителей известного общества “Память” и их “товарищей”? Не берусь судить огульно, но иные выступления людей “от Васильева” содержат действительно прямой призыв к террору инаких.

Идеи чистоты расы падают на хорошо подготовленную почву. Более семидесяти лет советского человека пытались “вылепить” по Моральному Кодексу строителей коммунизма и убедить заодно в том, что социальных предпосылок для возникновения гомосексуализма в СССР нет, это во-первых. А во-вторых, что имеющиеся в стране представители сексуальных меньшинств — нечисть, мразь, подлежат изоляции согласно Уголовному Кодексу и прочим подзаконным актам.

Естественно, общественное мнение сформировалось, как любимая говаривать в прошедшие времена, “надлежащим образом”.³ Опрос, результаты которого недавно опубликованы в еженедельнике “Аргументы и факты”, свидетельствуют: около 30% советских граждан выступают за смертную казнь гомосексуалистам, 30% — за тюремное заключение, 30% — за принудительное лечение. Только 10% нас, известных гуманистов, старших братьев угнетенных народов мира, выступают за свободное существование людей с нетрадиционным для пола либидо. В республиках Средней Азии, сообщает “АиФ”, за смертную казнь сексуальных меньшинств более 85% респондентов.

Не могу гарантировать того, что Юг России менее реакционен в своем

мнении. Об этом свидетельствуют многочисленные избиения гомосексуалистов, жуткие случаи физического их уничтожения.

Заслуживают ли такой участи сексуальные меньшинства? Имеют ли право люди, привыкшие заниматься традиционными видами секса, судить иных? Об этой и других проблемах наш корреспондент беседовал с одним из ростовских-на-Дону специалистов-юристов, более десяти лет занимающимся вопросами жизни меньшинств в нашей стране и регионе в частности. По просьбе собеседника мы не называем его фамилии и имени.

УРНИНГОВ ТОЖЕ МНОГО

— На два наших главных вопроса у меня давно готовы ответы. Начну со второго. Вспомните заповеди Господни, вернее, одну из них: "Не судите, да не судимы будете". Упрекать гомосексуалистов в том, что они таковы, уничтожать, лечить, изолировать от общества не имеет смысла. Кроме того, если вспомнить Всеобщую Декларацию прав человека, ни у кого из живущих на земле нет права на то. Хотя известно, как до сих пор презрительно относятся к главному документу мира у нас в стране...

За годы общения с, как их называл философ В.В. Розанов, урнингами, пришла к однозначному выводу: жизнь сексуальных меньшинств так же полноценна и нормальна, как и жизнь обыкновенных женщин и мужчин. Я имею в виду личную, индивидуальную, а не социальную сторону. Для иных их способы любви — дар судьбы.

По предварительным данным, в СССР 25 миллионов голубых и лесбиянок. И, представьте себе, у меня существует глубокое убеждение, что и любовь, и забота, и внимание — все самые лучшие человеческие качества и отношения существуют у них. Личное дело каждого — с кем иметь интимные связи и реализовывать свои половые способности. Это единственная сторона жизни человека, которая не регламентируется государством.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ГОЛУБЫЕ И РОЗОВЫЕ

В списке знакомых юриста тысячи гомосексуалистов и лесбиянок, бисексуалов и проституток. Среди них встречаются совершенно редкие, "особые экземпляры" — "жемчужины", "брильянты", "агаты

коллекции". С некоторыми удалось познакомиться. Анна Кровавая — транссексуалист. Любит пользоваться косметикой, одеваться в женское платье. Работает на панели как пассивный гомосексуалист. Достаточно часто в паре с проституткой Т., двадцатидвухлетней матерью троих прелестных дочек, открывшей в себе несколько лет назад склонность к лесбийской любви. Вдвоем, понятно, обслуживают бисексуалистов. И одновременно с этим Кровавая и Т. живут как любовники. Ситуация особенно интересна для сексологов. Ведь Кровавая — молодой, высокий, привлекательный парень — родился с гинекомастией, при обследовании на тестостероиды выяснилось, что имеет почти 90 процентов женских гормонов. И вдруг... спит с женщиной.

— Извините, почему вы живете вместе?

Т.: Кровавая — смелая и добрая. Может и подраться, защитить. Правда, я-то и сама за себя постоять смогу. А потом с ней спокойно. И еще, я получаю от нее удовлетворение. Это очень не обычно, ведь мужчины меня практически не интересуют. Кровавую я ни на кого не променяю.

Тот же вопрос к транссексуалу.

— Еще в 1986 году у меня возникла идея по перемене пола. Здесь, в Ростове, такие операции сейчас делают. Решение окрепло, когда узнал об истории с Аmandой Лир. Начали готовить документы. Но, так вот получилось, до сих пор... Хотя мечта такая сохранилась и возникает иногда. Правда, теперь вот Т. И еще. Вдвоем легче жить и работать. По крайней мере пока.

Еще одна "жемчужина" — Водитель. Ему за тридцать. Закончил два техникума, технологический институт торговли. Работал продавцом, директором крупнейшего продовольственного магазина. Но решил уйти с высоких должностей, не желая попасть в тюрьму. Сейчас у него относительно тихая, относительно независимая работа. Водитель был женат, есть двое детей. Женился по любви, но не мог удовлетвориться традиционным комплексом супружеской интимной жизни. Оставил квартиру, все вещи и стал жить один. Нашел удовлетворение в гомосексуализме, хотя по натуре — бисексуал, готов сожительствовать с женщиной.

— С чем для себя связываете Вашу перверзию (ненормальную сексуальность — по З.Фрейду)?

— Наверно, с юностью. Я был самым старшим в семье. Кроме меня,

в доме брат и сестра. Однажды заболела мать. Сильно заболела. Пришлось впрягаться в женские дела. Получилось. Понравилось готовить, стирать, убирать. Поэтому и сейчас могу забрать своих детей, освободить их мать. Считаю, что в силах воспитать их хорошими, добрыми людьми. Люблю поэзию "серебряного века", живопись. Наверняка приучил бы их к этому.

ИНАКИЕ — ЛЮДИ ТВОРЧЕСКИЕ

— Многие не знают и вряд ли когда будут готовы узнать об особенностях и правах сексуальных меньшинств. Наше общество малообразовано в массе и не обладает толерантностью. И, главное, не хочет изменить положения. Вообще вряд ли можно инакость полового поведения считать извращением, преступлением или болезнью. Это то, чем является сам человек. И совершенно не обосновано и бесчеловечно преследовать за биологическую природу 10 процентов человечества. А, может быть, и больше.

— Вы, наверное, можете сейчас выделить социальные структуры, в которых чаще всего встречаются представители сексуальных меньшинств?

— Пытаюсь это сделать уже долгие годы, и мало что получается. Много людей перверзного типа встречаются в образовании, в медицине, в искусстве и в промышленности. Есть гомосексуалисты и лесбиянки-милиционеры, священники, грузчики и т.д. То есть, правомочно говорить о распространении практически во всех социальных группах.

— Ну, хорошо. А как же тогда расценивать известные слова все того же В. Розанова: "Урнинги — чаще всего люди творческих профессий"?

— Розанов по-своему прав. Платон, говоря о любви (термин "платоническая любовь"), прославлял гомоэротику. Шекспир посвятил изумительные свои сонеты мальчику, а М. Цветаева часть своей лирики — своей любовнице Софье Парнок. Примеры можно нанизывать и нанизывать один на другой. И все они будут неожиданны для массового читателя газет. Но объективной картины они не дадут.

Безусловно, творчество предполагает особенную тонкость душевной организации художника, высокое чутье психики человека противоположного пола. И, конечно, трагическое ощущение мира. Весь этот набор имеется у сексуальных меньшинств.

Еще одна "жемчужина" коллекции — Таис. Гомосексуалист. 26 лет.

Имеет связи с 13 лет. С раннего детства работает в цирке, акробат. Талантливый артист, имеет большой успех у зрителей. Уважаем в своей среде, до удивления неординарно мыслит. Афористично.

— Со мной хорошо, но трудно, — говорит он.

— Продажа тела — допустимо, но непонятно.

— Животное всегда будет побеждать в человеке.

ДОМ ДЛЯ НИХ

— Вы, наверное, не случайно уже добрый десяток лет занимаетесь проблемами гомосексуализма. Вы связываете какие-нибудь мечты будущего с этим?

— Да, теперь я чувствую в себе... не смущайтесь... открыть дом. Нет, не дом терпимости, а институт заменяющих партнеров под руководством психолога. В нем будет осуществляться помощь людям по выяснению их либидозных (гомо-, бисексуальных) свойств, вестись поиск подходящих партнеров. В доме, конечно, должен быть штат из представителей сексуальных меньшинств и проституток. Все контакты должны контролироваться медслужбой. Это вкратце. Вообще существует разработанная схема. Я давно об этом думаю.

Главное условие дома — вход в него психически больным, маньякам, сексуально озабоченным будет запрещен. В остальном он может стать идеальным местом встреч представителей сексуальных меньшинств.

— Вы догадываетесь, что Ваши идеи для многих, даже прогрессивных администраторов, выглядят экстравагантными, по меньшей мере?

— Конечно, желание романтично. Но, кто знает, что день грядущий нам готовит? Главное для меня сейчас — это помочь существованию социально-ущербного типа в такой неуютной стране. И потом, вы не находите, что дарить лучше, чем брать?

Я уезжал из Ростова-на-Дону и не мог избавиться от двойного чувства: было жаль. Пока бесплодны все старания моего интервьюируемого внести в беспорядочную жизнь элемент цивилизации. И, боюсь, многие не примут позиции корреспондента, взявшегося защитить сексуальные меньшинства. Вспоминались стихи себе-седника-юриста:

"...Удел сильных подвигов — ничтожен.

Коней наш прост, но путь метанья мысли сложен.

И в парадоксах дух неосторожен"

Но все в жизни меняется.

ПОКАЯНИЕ

*Желая вырваться из плена,
Вы к Богу обратите лик.
Покайтесь, приклонив колена,
И он услышит слезный крик.
Я уйду не навсегда,
Но будут реже наши встречи.
Хочу забыть блеск ваших глаз,
Предать забвенью наши речи.
Мне скоро будет тридцать лет,
А там и сорок, пятьдесят.
Но стариков, известно, вам
Любить мальчишки не хотят.
Он оберет тебя до нитки,
Прикончит или с другим уйдет.
Закономерный и печальный
Для брата нашего итог.
Джованни задушил Гийома,
Профессор сам себя убил.
А я, любя мальчишек стройных,
Свое бессмертье погубил.
Желая вырваться из плена,
В к Богу обратите лик.
Покайтесь, приклонив колена,
И он услышит слезный крик.*

На католическое рождество я поехал в Петербург со своими "дровами", но лишь Рождественская ночь была полна страсти и огня, все остальное время ими топился чужой камин. Именно камин, потому что он не смог сберечь дарованного ему тепла. После этих событий у меня родились следующие строки:

*Ищу я рифмы мыслям новым,
А в голове хаос былого —
Обид, переживаний, встреч,
Того, что не сумел сберечь
В злобе, в завистливом запале.
Тех нежных чувств, что жертвой пали
Моих ревнивых злобных ссор.
За что суровый приговор
Мне был небесным светом дан.
Низринулся я в океан
Любви прекрасной, нежной, новой.
Господь велит отдать другому
Все то, что я считал своим,
Фортуной бережно храним:
Он в жизни более страдал,
Его я слезы осушал
Своею доброю рукой
И в сердце возвращал покой.
Не буду я мешать другим,
Судьбой жестокою раним.
Неверностью грузей обижен,
Не буду ревностью унижен.*

P.S. Молодой поэт будет рад получить ваши отклики на адрес редакции.

Друзья!

Если у вас есть заслуживающие внимания литературные произведения «на тему» и не только, будем весьма признательны вам за помощь в подготовке следующих номеров газеты и приложений. Напоминаем, что рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Для удобства обработки корреспонденции просим вас вкладывать конверт с обратным адресом. Спасибо.

Редакция «1/10».

Любезные друзья! Вы можете в любое время года, дня и ночи оформить подписку на газету «1/10» и приложения к ней. Ориентировочная цена на 92г. — 5р. за газету и 11р. за приложения. Вам надлежит всего лишь прислать деньги почтовым переводом по адресу для писем и разборчиво указать порядковый номер, количество экземпляров и адрес, по которому вам было бы удобно нас получать. Счастливо!

«1/9». №1. Литературное приложение к газете «1/10».

Составители — А.Прокофьев и Томаш Радек.

T.200, цена договорная.

При перепечатке ссылка обязательна!

«1/10» зарегистрирована в Моссовете

Учредитель и главный редактор — Дима Лычев.

Юридический адрес:

Адрес для писем: